B51—
220

B51 220

НАВАРИНСКІЙ БОЙ.

184/15

РАЗСКАЗЪ УЧАСТНИКА.

Переведено съ Англійскаго съ предисловіемъ

ПЕТРА ДМИТРІЕВИЧА

Погодина.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи, на Страстномъ бульварѣ.
1900.

Дозволено цензурой. Москва, Октября 11 дня, 1900 г.

ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
597857

13.51/220.

184/15

НАВАРИНСКІЙ БОЙ *).

Занимаясь изученіемъ Англійскаго филэлленизма съ 1821 по 1830 годы и просматривая относящіяся до него сочиненія того времени, я случайно напалъ въ Британскомъ Музеѣ на небольшую книжку, озаглавленную: Life on board a man of war, inclusing a full account of the battle of Navarino by a british seaman. Glasgow, Blackie, Tullarton and Comp. Arch. Tullarton and Comp. Edinburgh and James Duncan. London 1829. 193 in 8°.

Почти половину этой книжки занимаетъ разсказъ о Наваринской битвѣ. По непосредственности и свѣжести чувства, которымъ онъ проникнутъ, онъ кажется мнѣ достойнымъ вниманія не только простыхъ читателей, но и ученыхъ изслѣдователей. Мнѣ именно представляется, что разсказъ этотъ долженъ быть причисленъ къ рѣдкому, но тѣмъ болѣе цѣнному разряду источниковъ для исторіи тѣхъ внутреннихъ процессовъ, изъ которыхъ слагается великое событіе. Руководствуясь тѣмъ соображеніемъ, что названная книжка до сихъ поръ оставалась незамѣченной, я позволяю себѣ обратить на нее вниманіе Русскихъ читателей, предложивъ ея переводъ и предпославъ краткія къ ней примѣчанія.

Исторія Наваринской битвы, причины, ее вызвавшія, и самый ходъ ея неоднократно, конечно, описывались современниками, неоднократно также изслѣдовались они позднѣйшими учеными. Не входя въ критическій разборъ этой литературы, ограничусь однимъ замѣчаніемъ. Какъ самые источники, такъ и научная ихъ обработка изображаютъ событіе сверху. Главные уча-

*) Наваринская морская битва произошла 8 (20) Октября 1827 г. Въ ней соединенный Русско-Англо-Французскій флотъ, послѣ 4-хъ часового боя, истребилъ Турецко-Египетскій. Россія желала помочь Грекамъ-единовѣрцамъ въ ихъ борьбѣ за независимость, а Франція и Англія не хотѣли допустить Россію дѣйствовать самостоятельно. У Турціи флота не было, но ей помогалъ ея Египетскій вассалъ, Ибрагимъ паша. Занявъ Наваринскую гавань, Ибрагимъ началъ опустошать Морею, совершая страшныя жестокости. Начальники соединенныхъ эскадръ (Кодрингтонъ съ Англійской стороны, Риньи съ Французской, Гейденъ съ нашей) послали ему требованіе прекратить военныя дѣйствія. Ибрагимъ-паша отказался. Тогда былъ открытъ огонь, хотя война собственно еще не была объявлена. Послѣ пораженія Ибрагимъ-паша согласился на миръ; но султанъ отвергъ всѣ условія. Весною слѣдующаго 1828 года началась сухопутная война, кончившаяся славнымъ для насъ Адріанопольскимъ миромъ. В. Б.

стники событія, съ цѣлью оправдать и объяснить свое поведеніе, дали прежде другихъ его описаніе, и эти описанія стали первоисточниками. Способствуя такъ или иначе подготовкѣ событія, принимая значительное участіе въ его ходѣ, эти лица не могли его видѣть иначе, какъ въ цѣломъ или въ главнѣйшихъ его частяхъ. Тотъ же характеръ носило и построенное на такомъ матеріалѣ изслѣдованіе. По своему существу оно и не должно было отрѣшаться отъ даннаго въ источникахъ направленія. Оно могло только усилить это направленіе, поднявшись еще на высшую точку зрѣнія въ силу тѣхъ высшихъ цѣлей, которыми оно задается.

Изслѣдованіе изучаетъ событіе столько же въ немъ самомъ, сколько въ его общей исторической связи. Оно разсматриваетъ Наваринскую битву, какъ одно изъ многочисленныхъ звеньевъ въ длинномъ ряду явленій, знаменующихъ пробужденіе національностей въ XIX вѣкѣ, или какъ одинъ изъ тѣхъ случаевъ, совокупность которыхъ привела къ освобожденію Греціи изъ подъ владычества Турокъ. Нечего и говорить, что какъ самыя обобщенія изслѣдованій, такъ изложеніе источниковъ носятъ на себѣ печать болѣе или менѣе возвышеннаго умственнаго и политическаго кругозора авторовъ, ихъ частныхъ чувствъ, ихъ нравственныхъ убѣжденій. При такихъ условіяхъ всякій простой, безхритростный и безпристрастный разсказъ о Наваринской битвѣ пріобрѣтаетъ особую цѣнность. Чѣмъ ниже положеніе автора на іерархической лѣстницѣ участниковъ боя, тѣмъ болѣе недоступныхъ раньше изслѣдованію сторонъ дѣла можетъ раскрыть его описаніе, тѣмъ яснѣе представитъ оно событіе внутри его самого, тѣ частичные процессы, на которые въ сущности оно распадалось. Та доля личнаго участія или дѣломъ, или чувствомъ, которая приходится на каждаго изъ дѣятелей, какова бы она ни была по своимъ размѣрамъ, какую бы ничтожнѣйшую дробь по сравненію съ цѣлымъ она ни представляла, достойна изученія не въ меньшей, если не въ большей степени, чѣмъ руководящая роль адмираловъ или пословъ. Она ничтожна, взятая отдѣльно, по сравненію съ послѣдней, но и послѣдняя въ свою очередь еще болѣе ничтожна по сравненію съ суммою такихъ долей, какъ она.

Авторъ того разсказа, о которомъ идетъ рѣчь, по его собственнымъ словамъ,—простой матросъ, и принялся за перо, чтобы правдивымъ изложеніемъ всего того, что̀ видѣлъ, опровергнуть обвиненія, которыя были взведены на горячо любимаго командою „Генуи“ капитана Диккенсона; въ предисловіи къ своимъ воспоминаніямъ онъ именно обѣщается держаться строгой правдивости въ изображеніи того, что̀ видѣлъ и помнилъ. Своей фамиліи авторъ не называетъ ни въ заглавіи, гдѣ онъ скрывается подъ псевдонимомъ „Британскій морякъ“, ни въ текстѣ, гдѣ ограничивается одною буквою М. Я старался навести справку, что̀ скрывается дальше подъ этою буквою. Въ словаряхъ анонимныхъ писателей свѣдѣній на этотъ счетъ нѣтъ. Вѣроятно, оно по своему скромному виду не сумѣло обратить вниманіе современника, а можетъ быть и прошло мимо ихъ тѣмъ болѣе, что вооб-

ще трудъ ихъ далеко не полонъ. Въ спискѣ же матросовъ, состоявшихъ на „Генуѣ“, слишкомъ много именъ начинается на М. Даже если, опираясь на мѣсто изданія книги съ одной стороны, и на такое выраженіе, какъ „мой близкій знакомый, молодой человѣкъ изъ Глазго“ (стр. 117) съ другой стороны, — ограничить его матросами, поступившими на „Геную“ изъ Глазго и его окрестностей. Тонкость психологическаго анализа и красота описаній мѣстами могутъ ввести въ сомнѣніе, точно ли авторъ простой матросъ, не есть ли это болѣе или менѣе искусная поддѣлка подъ грубый, мѣстами чисто-матроскій стиль. Поводъ къ ней, несомнѣнно, могъ быть. Желаніе автора оправдать капитана Диккенсона проступаетъ по временамъ весьма замѣтнымъ образомъ. Но съ одной стороны цѣлый рядъ такихъ подробностей, на которыя только матросъ могъ обратить вниманіе, а съ другой стороны и главнымъ, конечно, образомъ, изученіе архивныхъ дѣлъ, до „Генуи“, относящихся, убѣдили меня въ подлинности сочиненія. Сличая медицинскіе рапорты, я нашелъ, что не только имена всѣхъ раненыхъ сообщаются въ точности, но и детальное описаніе ранъ совпадаетъ со свидѣтельствомъ докторовъ. Можно сказать вообще, что упоминаемыя авторомъ имена суть имена лицъ, дѣйствительно служившихъ на „Генуѣ“, какъ видно это изъ корабельныхъ книгъ. Мною замѣчены въ этомъ отношеніи только двѣ неточности: имя одного изъ убитыхъ юнгъ у автора Андерсонъ, тогда какъ по спискамъ онъ именуется Sammet, а затѣмъ Нѣмецъ-матросъ въ разсказѣ именуется De Squaw; такой фамиліи ни въ общихъ спискахъ матросовъ, ни въ перечнѣ убитыхъ не встрѣчается вовсе. Первую неточность объяснить легко забывчивостію автора, тѣмъ болѣе, что фамиліи убытыхъ юнгъ и мѣсто рожденія обоихъ (островъ Мальта) указаны вѣрно. Труднѣе объяснить неточность въ фамиліи матроса-вѣщуна De Squaw. Въ повѣствованіи онъ играетъ видную роль, и ссылаться на то, что авторъ могъ запамятовать его имя, врядъ ли возможно. Тутъ является такого рода предположеніе: въ Англійской арміи и флотѣ существуетъ обычай навербованнымъ иностранцамъ мѣнять фамиліи на Англійскія *); такимъ образомъ у одного и того же лица оказывается двѣ фамиліи, оффиціальная и настоящая. Подъ своей настоящей, но исковерканной фамиліей, De Squaw и можетъ фигурировать у анонимнаго автора.

Сказаннаго достаточно для опредѣленія достовѣрности фактической стороны изложенія. Само собою, нѣкоторую свободу въ раскраскѣ фактовъ допустить нужно, но общій правдивый тонъ изложенія не подлежитъ сомнѣнію. Какъ просто и ясно рѣшается имъ вопросъ о томъ, кто въ дѣйствительности началъ бой! Въ переводѣ своемъ я старался именно сохранить все, что̀ принадлежитъ личнымъ воспоминаніямъ автора, все, что̀ онъ записалъ по своей памяти или по памяти лицъ, себѣ подобныхъ. Литературныя же заимствованія я позволилъ себѣ сократить. Нѣкоторыя сокращенія заполнены отрывками изъ другого тоже почти неизвѣстнаго описанія Наваринской битвы: The battle of Navarino, Malta and other poems by a naval of-

*) Тоже дѣлалось и у насъ до Петра Великаго. П. Б.

ficer. London, 1828. 227 стр. in 8°. Въ описаніи этомъ, принадлежащемъ перу человѣка, хотя въ самой битвѣ участія не принимавшаго, но служившаго на эскадрѣ Кодрингтона и присоединившагося къ флоту немедленно послѣ боя, любопытны не столько самые стихи, сколько обширныя примѣчанія къ нимъ. Въ нихъ содержатся нѣкоторыя новыя, весьма характерныя подробности для исторіи боя. Эти дополненія въ текстѣ заключены въ скобки.

Петръ Погодинъ.

Утромъ 18-го Октября мы обогнули островъ Занте и пошли по направленію къ Наваринской бухтѣ, туда, гдѣ, по нашимъ свѣдѣніямъ, должны были крейсировать союзныя эскадры. Дѣйствительно, вскорѣ онѣ открылись нашему взору, и въ первомъ часу дня мы уже были среди нихъ. Только что мы стали сбавлять парусовъ, какъ на мачтѣ адмиральскаго корабля взвился сигнальный флагъ. «Не стоитъ смотрѣть въ сигнальную книгу Дэви. Я знаю этотъ сигналъ хорошо: онъ значитъ: готовься къ бою», сказалъ нашъ старый капитанъ, и отдалъ приказъ барабанщику и горнисту бить тревогу, а гребцамъ на гичкѣ боцманмата скомандовалъ переодѣться и почиститься. Я былъ въ числѣ гребцовъ и обрадовался этому приказу. Намъ было извѣстно, что мы идемъ на бортъ «Азіи» *) и тамъ узна́емъ, что́ собирались предпринять адмиралы. Готовиться намъ было недолго, и въ ожиданіи, пока не сойдетъ капитанъ, мы имѣли возможность осмотрѣть эскадры, лежавшія на гладкой какъ скатерть поверхности водъ. Вѣтеръ стихъ, какъ только мы подошли къ Наварину; какъ будто онъ сдѣлалъ свое дѣло, донеся насъ до того мѣста, которому суждено было стать сценою такой кровавой борьбы. Союзный флотъ состоялъ изъ десяти линейныхъ кораблей: 3-хъ Англійскихъ, 3-хъ Русскихъ и 4-хъ Французскихъ, съ фрегатами, корветами и бригами, всего 32 судна. Съ ихъ палубъ было убрано все лишнее, и по всему было видно, что они изготовились къ бою. У Русскихъ были прекрасные большіе корабли, смотрѣвшіе съ иголочки, прочно построенные и чисто выкрашенные, но съ необыкновенно тяжеловѣснымъ такелажемъ, и это придавало имъ неуклюжій видъ.

Мы съ капитаномъ быстро подошли къ «Азіи», поднялись на бортъ и увидѣли, что и тамъ все было готово къ бою: на палубахъ ничего не оставалось, кромѣ артиллерійскихъ принадлежностей, лежали только прибойники, банники, ганшпуги, фитили. Въ углу на верхней палубѣ артиллерійская прислуга поспѣшно готовила пыжи. Орудійные ефрей-

*) „Азія“ — адмиральскій корабль, на которомъ находился начальникъ союзнаго флота, сэръ Эдуардъ Кодрингтонъ.

торы чистили казенную часть у пушекъ, марсовые поднимали боргъ-реи. Однимъ словомъ, на всемъ лежала печать грозныхъ приготовленій.

Странное обстоятельство: на борту «Азіи» находился мой близкій знакомый, молодой человѣкъ изъ Глазго, но мнѣ не удалось его видѣть; въ ту пору я даже не зналъ, что онъ тамъ. Я встрѣтилъ, однако, стараго однокашника, который сказалъ мнѣ, что у союзныхъ адмираловъ было наканунѣ совѣщаніе, блокировать ли Турокъ цѣлую зиму, или силою принудить ихъ согласиться на договоръ 6-го Іюля, и что они рѣшились на послѣднее. «Прекрасно», сказалъ Томъ Морѳіэтъ, бывшій вмѣстѣ со мною, «мнѣ бы не хотѣлось качаться здѣсь цѣлую зиму. Лучше дадимъ имъ хорошенькаго тумака, а коли насъ пошлютъ къ чорту, не все ли равно: не нынче, такъ завтра, все равно когда-нибудь помирать нужно. Чѣмъ короче расчеты, тѣмъ лучше, а у меня есть о чемъ посчитаться съ Турками». Томъ и я были большими пріятелями, «спарились», какъ говорятъ моряки. Судьба его жестоко преслѣдовала, а между тѣмъ человѣкъ онъ съ головою и не безъ сердца, хотя и не прочь былъ кутнуть, какъ это случилось съ нимъ на Мальтѣ. Незадолго передъ тѣмъ я узналъ его печальную исторію. Онъ разсказалъ ее мнѣ вечеромъ, когда мы сидѣли на выстрѣла́хъ.

Вотъ она вкратцѣ. Его отецъ былъ купцомъ съ острова Гернсея и одно время владѣлъ нѣсколькими кораблями, занятыми Левантскою торговлею, и дѣла его шли недурно; но по превратностямъ судьбы въ концѣ-концовъ у него осталось лишь одно судно, 150-тонный бригъ. Съ нимъ отправился онъ лично въ Смирну, надѣясь, что счастіе ему улыбнется. Захватилъ онъ съ собою въ плаваніе трехъ сыновей, возрастомъ между 18 и 25 годами. Не успѣлъ онъ, однако, дойти до острова Киѳеры (Чериго), какъ попался съ своимъ бригомъ въ плѣнъ къ Турецкимъ пиратамъ. Тѣ заставили всѣхъ плѣнныхъ, что́ называется, «прогуляться по дощечкѣ»: съ борта надъ водою была высунута доска, несчастнымъ завязали накрѣпко глаза, ввели ихъ силою на эту доску, проталкивая ихъ впередъ, пока они не свалились въ море. Вѣсть объ этомъ дошла до Гернсея; мать Морѳіэта и раньше была нервно разстроена, вслѣдствіе постигшихъ семью неудачъ, а тутъ она окончательно сошла съ ума и умерла въ домѣ умалишенныхъ. Изъ всей семьи остался въ живыхъ такимъ образомъ одинъ бѣдняга Томъ, тогда еще совсѣмъ мальчикъ. Отчасти по необходимости, отчасти изъ любви къ морю, онъ записался въ матросы на военный корабль и теперь ликовалъ при мысли о близости боя съ тѣмъ народомъ, который былъ причиною разоренія и гибели его семьи.

Вернувшись на «Геную», мы нашли, что на палубѣ все готово къ дѣйствію. Всѣ сундуки и артельныя принадлежности были снесены въ трюмъ. Заслонки висѣли на выходныхъ люкахъ магазиновъ, двѣ бочки съ боевою водою были принайтованы[1]) на пилерсахъ[2]) на палубѣ, посрединѣ корабля; ящики съ картечью стояли между пушками; пыжи были тутъ же; всѣ переборки сняты, такъ что констапельская[3]) и каютъ-компанія отдѣлялись только Англійскими флагами отъ другихъ частей палубы. Едва мы взошли на бортъ, какъ на насъ накинулись товарищи съ разспросами: имъ хотѣлось поскорѣе знать, какія вѣсти мы привезли съ «Азіи». Наши разсказы мгновенно облетѣли весь корабль и, конечно, слухи только росли, переходя изъ устъ въ уста. Остальную часть дня мы пролежали неподвижно на гладкой поверхности водъ, при мертвомъ штилѣ, подъ палящимъ солнцемъ. Отъ нечего дѣлать мы принялись ловить рыбу. Утро 19-го числа было тихо и прекрасно. На гористыхъ берегахъ Греціи еще лежалъ пеленою туманъ, но его уже разгоняло поднимавшееся солнце. Я стоялъ на палубѣ, мнѣ надо было убрать свою койку, положивъ ее къ бортовой сѣткѣ; но, дѣлая это, я не могъ не любоваться чудной картиной, развертывавшейся передъ нами. Отъ Наваринской гавани насъ отдѣляло не больше трехъ миль, но и съ этого разстоянія входъ въ нее казался настолько узкимъ, что не вѣрилось, что сквозь него можетъ пройти хотя бы одно судно заразъ. Вдали лежалъ островъ Занте; точно громадная плоская доска всплывалъ онъ на поверхности водъ.

Здѣсь и тамъ виднѣлись одинокія торговыя суда, мирно совершавшія свой путь. Наши эскадры ночью собрались вмѣстѣ, по сигналу адмирала держаться тѣснѣй. Всѣ корабли лежали съ убранными парусами, ихъ видъ былъ грозенъ. Когда я стоялъ въ созерцаніи и размышлялъ о томъ, что̀ принесетъ этотъ день (мы разсчитывали, что войдемъ въ гавань 19-го), ко мнѣ подошелъ мой Томъ Морѳіэтъ. Мы видѣли, какъ фрегатъ «Дармуѳъ» на всѣхъ парусахъ пошелъ въ гавань, съ послѣдними предложеніями къ Ибрагиму. Съ той минуты мы съ волненіемъ стали ждать, когда онъ покажется обратно: отвѣтъ, который онъ долженъ былъ привести, рѣшалъ вопросъ, вступать намъ въ бой или нѣтъ. Въ тревогѣ и ожиданіи прошло девятнадцатое Октября. Группы офицеровъ и матросовъ стояли на палубѣ и съ жаромъ спорили о томъ, какой оборотъ приметъ битва. Нѣкоторые не сомнѣвались въ томъ, что Турки струсятъ послѣ перваго выстрѣла; другіе,

---

[1]) *Найтовъ*—обвязка, скрѣпа веревкою, счалка; *найтовать* скрѣплять найтовомъ.

[2]) *Пилерсъ*—стойка подъ бимсомъ (а *бимсы*—это балки на которыхъ стелется палуба).

[3]) *Констапельская*—каюта въ самой кормѣ нижней палубы.

наоборотъ, приводили примѣры противнаго. Многіе сожалѣли, что не будетъ призовыхъ денегъ, такъ какъ приказъ былъ, по слухамъ, «жечь, топить и разрушать», а не брать въ плѣнъ. «Вотъ уже солнце заходитъ», сказалъ Шотландецъ, по имени Корри, «а кому-то изъ насъ придется увидѣть завтрашній вечеръ? Что вы скажете, Ди-Скво?» Слова эти относились къ Нѣмцу Ди-Скво, сидѣвшему въ сторонѣ на одной изъ пушекъ. Въ ту минуту Ди-Скво смотрѣлъ, какъ мой товарищъ Томъ Морѳіэтъ игралъ съ другимъ матросомъ въ шахматы, забывъ и думать о томъ, какимъ исходомъ могъ угрожать намъ бой. Ди-Скво по своей привычкѣ не обратилъ вниманія на вопросъ, пока его не повторили, и только тогда повернулъ въ отвѣтъ свое лицо, съ его неземнымъ выраженіемъ, но не къ тому, кто съ нимъ заговорилъ, а къ моему товарищу. Вставши, онъ схватилъ Тома за руку, приподнялъ его, посмотрѣлъ съ серьезнымъ выраженіемъ ему въ глаза и сказалъ: «Морѳіэтъ, прежде чѣмъ наступитъ слѣдующая ночь, вы и я будемъ играть въ другую игру». Потомъ онъ отошелъ, скрестивши руки, и сѣлъ на одну изъ пушекъ, стоявшихъ на бакѣ, въ сторонѣ отъ остальныхъ. Бѣдный Томъ, услыхавши предсказаніе Нѣмца, подошелъ ко мнѣ и спросилъ, что по моему оно могло бы значить. Я зналъ, что мой товарищъ съ остальнымъ экипажемъ вѣрилъ въ слова Ди-Скво, какъ мусульмане въ Коранъ, а потому и отвѣчалъ съ самымъ беззаботнымъ видомъ, какой только могъ принять на себя, что своими словами Ди-Скво хотѣлъ сказать, что завтра всѣ мы пойдемъ въ дѣло. Томъ сказалъ, что и онъ не думаетъ, чтобы предсказаніе Нѣмца могло имѣть другое значеніе; но по его лицу я увидѣлъ, что желѣзо вошло ему въ сердце, и что онъ говорилъ только пустыя слова, чтобы утѣшить меня.

Солнце уже стало садиться, вершины горъ окрасились въ золотистый цвѣтъ, и тѣни людей, прохаживающихся по палубѣ, значительно удлинились, когда, наконецъ, «Дармуѳъ» показался изъ Наварина. Всѣ его паруса были распущены, но онъ подвигался чрезвычайно медленно: вѣтра почти не было. На «Дармуѳѣ» подняли сигналъ, флагманскій корабль тотчасъ же отвѣтилъ, они переговаривались нѣкоторое время, но уже темнѣло: безъ подзорной трубы трудно было разсмотрѣть намъ сигналы. Капитанъ обратился къ первому лейтенанту и сказалъ: «Что, С.? Я остаюсь при прежнемъ мнѣніи; никакого соглашенія Турки не хотятъ; придется намъ завтра вступить въ гавань и выгнать ихъ оттуда. Посмотрите-ка въ сигнальную книгу, увидите, что я правъ». С. взялъ книгу и доложилъ капитану, что адмираломъ былъ поднятъ сигналъ «ждать удобной минуты, войти въ гавань завтра, убрать паруса и лечь на ночь».—«Прикажете боцманмату свистать?» спросилъ лейтенантъ.—«Конечно», отвѣчалъ капитанъ. Раздался приказъ, и вслѣдъ

за нимъ рѣзкій свистокъ боцмана и его товарищей живо вызвалъ всѣхъ на верхъ поспорить съ экипажами другихъ кораблей, кто проворнѣй уберетъ паруса. Паруса быстро были закрѣплены, и все готово къ ночи. Наступила первая вахта и мой чередъ идти вверхъ; но я предпочелъ остаться на палубѣ, чтобы насладиться вечернею прохладой освѣжительною послѣ палящаго дневного зноя. Я сѣлъ на пеньку, сложенную на верхней палубѣ, и погрузился въ мечты. Невольно мнѣ вспоминались мирныя сцены тихаго, домашняго очага, который я промѣнялъ на полную безпокойства военную жизнь. Меня вернулъ къ дѣйствительности мой товарищъ Ли. Онъ искалъ меня, чтобы передать мнѣ мою порцію вина, и попросилъ написать ему письмо къ матери. Наливъ чарку и взявши меня за руку, онъ сказалъ: «Дай Богъ завтра встрѣтиться!» Выпивши, онъ налилъ мнѣ, и я выпилъ, повторяя его пожеланіе. «Завтра мы идемъ въ бой, сказалъ онъ; мнѣ хотѣлось бы написать домой письмо съ вашею помощью». Я взялъ фонарь; вмѣсто стола служила мнѣ тулья моей шляпы, вмѣсто стула сложенныя на комбингѣ ядра, и послѣ нѣсколькихъ замѣчаній и совѣтовъ о томъ, что хотѣлъ бы онъ сказать, я началъ и написалъ слѣдующее письмо подъ его диктовку; теперь я списываю его съ подлинника, лежащаго передо мной:

«Дорогія матушка и сестрица! Это письмо оставляетъ меня въ добромъ здоровьѣ и, надѣюсь, найдетъ васъ въ таковомъ же. Не могу сказать, получите ли вы отъ меня когда-нибудь другое: завтра мы идемъ бить Турокъ. Пошлютъ ли меня къ чорту или нѣтъ—поручиться не могу; но не пугайтесь, дорогая матушка, если я завтра отправлюсь на тотъ свѣтъ. Смерть такой долгъ, который всѣмъ приходится платить. Если кто-нибудь изъ вашихъ сосѣдей зайдетъ къ вамъ, скажите Сюзаннѣ Клеръ (здѣсь Недъ запнулся, но потомъ продолжалъ съ видомъ человѣка, дѣлающаго самый тонкій дипломатическій подвохъ), что я не забылъ того дѣльца, про которое она знаетъ, и истертаго четвертака (шесть пенсовъ). Она пойметъ, что вы хотите сказать, хоть вы не понимаете, и будьте къ ней добры, ея отецъ слабаго здоровья и вашъ старый знакомый, и скажите ей, что я привезу домой для нея много рѣдкихъ раковинъ. А затѣмъ, да благословитъ васъ Богъ и да сохранитъ васъ всѣхъ! Но я надѣюсь еще пожить настолько, чтобы видѣть, какъ Туркамъ дадутъ порядочную встрёпку, и тогда поднимемъ якорь, направляясь въ старую Англію. Я остаюсь, дорогая матушка и сестра, вашъ искренно любящій сынъ и братъ Эдвардъ Ли».

Запечатавъ письмо смолою и опорожнивъ бутылку вина, мы пошли внизъ. Я легъ спать и спалъ спокойно до четырехъ часовъ, когда меня разбудилъ боцманскій сигналъ: «обѣ вахты готовь снаряды». По этому

сигналу матросы образовали собою непрерывную цѣпь отъ самаго порохового погреба до главнаго трапа, чтобы удобнѣе было передавать изъ рукъ въ руки ядра до верхней палубы, гдѣ они раскладывались по ящикамъ, стоявшимъ на равномъ разстояніи другъ отъ друга. Я былъ съ Морѳіэтомъ внизу, гдѣ лежали ядра; видно было, что онъ совсѣмъ палъ духомъ и все размышлялъ о предсказаніи Ди-Скво, какъ на бѣду стоявшаго напротивъ него. Нагнувшись, я замѣтилъ, что въ сору у моихъ ногъ валяется старый ножъ. Я поднялъ его и, отчистивъ отъ грязи, увидѣлъ, что на немъ вырѣзано имя моего несчастнаго товарища. Я передалъ ножъ Морѳіэту. Оказалось, что онъ потерялъ его въ погребѣ еще въ Гибралтарѣ. Но онъ не захотѣлъ его взять назадъ, а вернулъ обратно, со словами: «сохрани его на память обо мнѣ и не забывай своего друга, когда его не станетъ». Онъ говорилъ улыбаясь; но какъ только его взоръ встрѣтилъ стоявшаго на палубѣ Нѣмца, черты его лица немедленно приняли свое прежнее грустное выраженіе. Вскорѣ всѣ ящики наполнились ядрами, и все было готово. Солнце только вставало, когда насъ вызвали на палубу готовить паруса. Англійской эскадрѣ удалось удержаться за ночь почти передъ самымъ входомъ въ гавань; но Русскихъ и Французовъ оттянуло мили на четыре въ подвѣтренную сторону. Намъ пришлось взять гальсъ отъ берега, чтобы дать остальнымъ время подойти прежде, чѣмъ мы повернемъ въ гавань. Пока мы тянули боргъ[1]) съ реями, я слышалъ, какъ капитанъ на мостикѣ говорилъ одному изъ своихъ пріятелей: «Слушайте, Фицпатрикъ. Если у васъ есть долги, такъ сегодня, дружище, вамъ придется по нимъ платить».—«Что вы хотите этимъ сказать?» спросилъ тотъ, «я васъ не понимаю».—«Не понимаете меня, эхъ вы, молокососъ! Какъ, развѣ вы не знаете, что въ пылу боя бѣдняки могутъ свести счеты съ своими мучителями. Я самъ видѣлъ, какъ командира того судна, на борту котораго я находился во время боя, такъ и пришибло ударомъ лома къ выходному трапу на шкафутѣ[2]), гдѣ онъ стоялъ; ему показалось, что самъ чортъ далъ пинка. Ну, да и подѣломъ ему было. Дѣйствительно, онъ былъ варваръ». Я содрогнулся при этомъ разсказѣ о преднамѣренномъ убійствѣ; но мнѣ кажется, что случаи такой мести очень рѣдки и въ Британскомъ флотѣ, и въ Британской арміи.

Въ шесть часовъ барабанъ забилъ сборъ. Офицеры выстроили людей, и началась повѣрка, всѣ ли налицо. Лейтенантъ, командовавшій въ томъ мѣстѣ, гдѣ я стоялъ, молодой человѣкъ, по имени Брокъ,

---

[1]) *Боргъ*—веревочный мотъ или желѣзная цѣпь, на которой висятъ нижнія реи.

[2]) *Шкафутъ*—часть верхней палубы вдоль борта, между средними мачтами.

обратился къ намъ съ нѣсколькими словами: «Сегодня, друзья, мы вступаемъ въ бухту. Я знаю, вы всѣ этому должны быть рады; мнѣ кажется, что крейсировать передъ ней цѣлую зиму вамъ было бы такъ же непріятно, какъ и мнѣ. Такъ войдемъ же въ гавань сегодня и сразимся, какъ подобаетъ Британскимъ морякамъ, а если мы падемъ, что же, и это конецъ нашему крейсированію. Ужъ надѣюсь, коли нужно стрѣлять изъ пушекъ, такъ каждый будетъ на своемъ мѣстѣ!» Барабанъ ударилъ отбой, и матросы легли между пушками уснуть послѣдній разъ, какъ вдругъ пробѣжалъ шопотъ: капитанъ, капитанъ! Тѣ, кто не спалъ еще, вскочили на ноги и стали расталкивать уснувшихъ. «Спите, спите, дѣти; вамъ еще придется поработать до ночи», сказалъ капитанъ и на цыпочкахъ пошелъ впередъ.

Мы были теперь въ двухъ миляхъ или меньше отъ входа въ Наваринскую гавань. Всѣ паруса были поставлены, когда раздался боцманскій свистокъ къ обѣду, и многіе сѣли за него въ послѣдній разъ. Близость опасности, возможность больше никогда не увидѣть другъ друга, дѣлали сотрапезниковъ угрюмыми, хотя въ обыкновенное время обѣдъ сопровождался веселіемъ и смѣхомъ. Нашлись, впрочемъ, и тутъ шутники, которые старались разогнать мрачное настроеніе обѣдавшихъ обычными морскими остротами, но дѣйствіе послѣднихъ было только минутнымъ. Въ особенности мой другъ Морѳіэтъ совсѣмъ упалъ духомъ и, казалось, все размышлялъ о словахъ Нѣмца. Я старался развеселить его. «Не бойся, М., отвѣчалъ онъ, я не струшу. Нѣтъ, нѣтъ! Увидишь, коли останешься цѣлъ, что я могу сражаться не хуже другихъ, и не оставлю своей пушки, пока корабль будетъ держаться на водѣ, или пока не убьетъ меня ядро; но, М., если я не останусь въ живыхъ, въ чемъ я увѣренъ, постарайся повидать Солли У***, объ ней ты часто слышалъ, и скажи ей, что хоть и лежу теперь на днѣ Наваринской бухты, но пока въ моихъ жилахъ билась хотя капля крови, я всецѣло принадлежалъ ей. Ты добрый человѣкъ, обѣщай мнѣ, и я умру спокойно; я знаю, другъ мой, что мнѣ не видать сегодня солнечнаго захода».

Горнистъ заигралъ, сзывая поваровъ за виномъ. Принесли вина, и нашъ старшій сотрапезникъ предложилъ пить въ круговую до конца. Всѣ согласились. Джекъ Борджесъ сказалъ: «Таковъ былъ обычай на «Страшномъ» во время боя; да что съ вами разговаривать! Вѣдь вы еще не знаете, что такое морской бой. Вотъ если бы вы были со мной при Трафальгарѣ, вы бы увидѣли, какъ даютъ по три залпа въ минуту. Мы направляли ихъ въ «Св. Іосифа»; право, словно играли въ кегли или на билліардѣ. Только попроворнѣй приходилось поворачиваться. Ну, да и удовольствіе было не то. Вотъ до вечера увидите,

какъ это дѣлается. Эхъ, что ли выпить круговую? Кто уступитъ мнѣ свою пинту до завтра? Прекрасный случай! Да не говорите всѣ разомъ, не то мнѣ не разслышать». Но на предложеніе это никто ничего не отвѣчалъ, и каждый выпилъ свое вино самъ съ обычными словами: «дай Богъ завтра встрѣтиться». Кончать обѣдъ пошелъ я на верхъ, прихвативъ съ собою котелокъ съ горохомъ. Поднявшись на палубу, я увидѣлъ, что отъ форта, защищавшаго входъ въ Наваринскую гавань, насъ отдѣляло еще съ четверть мили. Вѣтеръ былъ до того слабъ, что едва наполнялъ наши паруса, и больше мили въ часъ мы не могли дѣлать. Вдругъ я увидѣлъ, что одинъ изъ матросовъ отскочилъ отъ пушки и закричалъ: «Начинается, начинается!»—«Что такое? Въ чемъ дѣло?» спросилъ я.—«Развѣ вы не видите двухъ сигналовъ на мачтѣ «Азіи»? Приказъ вступать въ бой. Поглядите на нихъ хорошенько. Въ другой разъ будете знать!»

Въ туже минуту барабанщикъ забилъ «по мѣстамъ». Я бросился бѣжать, что было духу, къ своей пушкѣ. Котелокъ у меня полетѣлъ за бортъ. Всѣ орудія были заряжены двойнымъ зарядомъ. Противъ меня у той же пушки стоялъ Ди-Скво; въ молчаніи ждали мы команды «огонь». Нашъ корабль проходилъ въ ту пору какъ разъ подъ батареями Турецкой крѣпости, и мы боялись, какъ бы Турки не угостили насъ дюжиной тѣхъ пилюль, которыя они готовили для насъ уже дней десять или двѣнадцать. Намъ было видно, какъ Турки съ большимъ хладнокровіемъ поворачивали дула своихъ орудій, наводя ихъ на тотъ или другой корабль. Но на флагштокѣ ихъ батарей не было поднято знамени и, казалось, ко всему происходившему они собирались отнестись скорѣе миролюбиво. Съ берега отвалила даже шлюпка съ Турецкимъ офицеромъ и четырьмя гребцами и направилась къ «Азіи», вышедшей тѣмъ временемъ изъ-подъ выстрѣловъ Турецкихъ батарей и находившейся въ сотнѣ ярдовъ впереди насъ. Я видѣлъ, какъ офицеръ взошелъ на бортъ «Азіи», но, не оставшись тамъ и двухъ минутъ, вернулся назадъ. (Онъ просилъ адмирала не вводить судовъ въ бухту. «Передайте вашему начальнику, гордо отвѣтилъ Кодрингтонъ, что я явился сюда не получать приказанія, а отдавать ихъ, и сумѣю заставить васъ имъ подчиниться. Попробуйте произвести хоть одинъ выстрѣлъ, и я потоплю весь вашъ флотъ, и сдѣлаю это съ удовольствіемъ»).

Мы видѣли, какъ, вернувшись на берегъ, онъ сорвалъ съ головы тюрбанъ и бѣгомъ направился къ крѣпости, гдѣ его ожидалъ столпившійся народъ. Съ его появленіемъ на флагштокѣ крѣпости взвилось красное знамя и загудѣлъ сигнальный выстрѣлъ. По палубамъ у насъ разнеслась команда «къ орудіямъ». «Есть» былъ немедленный отвѣтъ;

всѣ фейерверкеры стояли съ фитилями въ рукахъ, ожидая команды «огонь». Минута была страшнаго напряженія. Царило гробовое молчаніе, и храбрѣйшій затаилъ дыханіе. Тѣмъ временемъ нашъ корабль, подвигаясь постепенно впередъ, миновалъ батареи и пошелъ вдоль линіи непріятельскихъ кораблей. У Турокъ люди тоже стояли наготовѣ при пушкахъ. Наконецъ, раздался свистокъ «отдать якорь и свернуть парусъ». Я былъ посланъ на форъ-марсель *) и стоялъ тамъ вторымъ съ краю. Съ форъ-марселя, какъ съ птичьяго полета, я могъ видѣть всю гавань. Направо отъ самаго берега взбирались строенія города Наварина на склонѣ довольно высокой горы, имѣвшей трехгранную форму. Батарей у непріятеля было немного, но за то всѣ онѣ были внушительны, а сзади нихъ по берегу бѣлѣлись палатки Турецкаго лагеря. Въ гавани кругомъ насъ въ три ряда былъ выстроенъ Турецко-Египетскій флотъ. Въ одну минуту намъ стало ясно, въ какомъ положеніи оказался нашъ корабль: мѣста опаснѣе его не занимало ни одно изъ судовъ союзной эскадры. Оба наши борта подвергались обстрѣлу двухъ линейныхъ кораблей, всѣ пушки которыхъ были направлены на насъ. По носу справа стоялъ еще одинъ двухдечный корабль, а слѣва три фрегата; вредъ отъ ихъ выстрѣловъ могъ быть для насъ большой. Поперекъ нашей кормы тоже стоялъ большой фрегатъ; его продольные выстрѣлы во время боя имѣли на наше судно разрушительное дѣйствіе, прекращенное, наконецъ, вмѣшательствомъ Французскаго корабля, который подошелъ къ нему съ подвѣтренной стороны и освободилъ насъ отъ него. Пока мы были на реѣ форъ-марселя, до нашего слуха донесся звукъ пушечнаго выстрѣла и ружейной перестрѣлки; повернувшись, мы увидѣли одинъ изъ брандеровъ около «Дармуѳа» въ огнѣ.

(Произошло это такъ. Капитанъ Фелау съ «Дармуѳа» послалъ ботъ посмотрѣть, что собираются дѣлать Турецкіе брандеры и попросить ихъ удалиться, такъ какъ они стояли черезчуръ близко къ судамъ союзной эскадры. На ботѣ люди, противъ обыкновенія, были вооружены. Подойдя къ брандеру, часть изъ нихъ вскочила на бортъ съ палашами на-голо. Понятно, по нимъ стали стрѣлять. Съ борта раздался залпъ, убившій лейтенанта и часть матросовъ. «Дармуѳъ» немедленно открылъ ружейный огонь по брандеру. Тотъ вскорѣ взлетѣлъ на воздухъ. Кодрингтонъ, видя это, послалъ флагъ-лейтенанта къ Могареммъ-бею, прося его не стрѣлять. Бей назвалъ осломъ командира брандеровъ, тотчасъ послалъ за его головой и обѣщался не стрѣлять. Тѣмъ временемъ «Сирена», только что вошедшая въ портъ, послала пу-

*) *Марсель*—второй снизу прямой парусъ.

шечный выстрѣлъ по виновному брандеру и рѣшила дѣло, висѣвшее на волоскѣ. Турецкіе корабли и батареи начали стрѣльбу, и въ два часа 50 минутъ огонь былъ открытъ по всей линіи. Одинъ Могареммъ-бей съ четверть часа сдерживалъ свое обѣщаніе не стрѣлять, но въ концѣ-концовъ и онъ не выдержалъ и сталъ стрѣлять). Мы съ Томомъ, убравши паруса, возвращались къ своимъ пушкамъ въ ту минуту, когда непріятель открылъ по насъ огонь. Схвативъ меня за руку, Томъ воскликнулъ: «Не забывай Морэівта; прощай, М!..» и со словами «по мѣстамъ, по мѣстамъ» побѣжалъ на главную палубу, гдѣ стояло его орудіе, а я, что̀ было духу, на нижнюю, къ своей пушкѣ. Лейтенантъ Брокъ уже обнажилъ свою шпагу, но запрещалъ намъ стрѣлять до команды. «Ребята, наводи орудія повѣрнѣй и покажи имъ, что̀ значитъ Англичане!» Швырнувъ свою шляпу на палубу, онъ велѣлъ намъ привѣтствовать Турокъ троекратно громогласнымъ кличемъ; мы сдѣлали это отъ всего сердца. «Отойти отъ орудій!» закричалъ онъ тогда и скомандовалъ «огонь». Мгновенно цѣлый залпъ ядеръ съ страшнымъ трескомъ врѣзался въ бортъ Турецкаго адмиральскаго корабля.

«Братцы, палѝ, что̀ есть мочи!» крикнулъ онъ намъ потомъ. Первый убитый, котораго я видѣлъ, былъ солдатъ морской пѣхоты. Случилось это уже послѣ того, какъ мы выдержали пять или шесть непріятельскихъ залповъ. Онъ стоялъ совсѣмъ рядомъ со мною. Я только что принялъ губку изъ его рукъ и, повернувшись кругомъ, увидѣлъ его у своихъ ногъ, съ головой, совершенно отдѣленной отъ туловища, какъ будто ее отрѣзали ножомъ. Мой товарищъ, Ли, вытащилъ тѣло изъ подъ лафета и бросилъ его подъ нижній трапъ въ серединѣ корабля. Пальба шла непрерывно. Время отъ времени раздавались громкіе побѣдные крики, ихъ не могъ заглушить даже пушечный ревъ. Но отчаянные вопли страдальцевъ покрывали все; точно звонъ похоронныхъ колоколовъ, точно крики злыхъ духовъ войны надъ ихъ кровавою добычей звучали они въ нашихъ ушахъ. Прошло около получаса съ начала боя. Двое юнгъ, состоявшихъ въ услуженіи при офицерской компаніи, Фишеръ и Андерсонъ, одинъ лѣтъ 14, другой лѣтъ 15, остановились у рѣшетчатыхъ люковъ на нижней палубѣ, почти у самаго орудійнаго дула.

Оба они были славныя дѣти и одежду носили такую нарядную: чистенькую курточку и штаны. Красивѣе, въ особенности, Фишера мнѣ рѣдко приходилось видѣть мальчиковъ. Его румяныя щеки цвѣли здоровьемъ, а большіе черные глаза были обрамлены длинными рѣсницами. Стоя, какъ я сказалъ, у ахтеръ-люка*) подъ руку, они махали

*) *Ахтеръ-люкъ*—спускъ позади гротмачты.

своими маленькими соломенными шляпами и дѣтскими тонкими голосами принимали участіе въ воинственномъ кликѣ орудійной прислуги. Я заряжалъ пушку и только что крикнулъ Фишеру, чтобы онъ сходилъ въ магазинъ за трубками, какъ вдругъ въ ушахъ моихъ раздался пронзительный крикъ. Повернувшись, я увидѣлъ Фишера безжизненнымъ трупомъ. Андерсонъ также упалъ, раненный, но не смертельно. Его правая нога была оторвана и руки поранены въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Но онъ думалъ не о себѣ: онъ пополз къ тѣлу Фишера и, положивши голову на грудь своего мертваго друга, плакалъ, раздирая душу присутствовавшихъ.

Мнѣ и другому матросу былъ отданъ приказъ убрать трупъ. Ядро ударило Фишера въ затылокъ. На его устахъ играла еще улыбка, и румянецъ еще не потухъ на щекахъ. Съ большимъ трудомъ мы оторвали маленькаго Андерсона отъ тѣла его товарища. Онъ умолялъ насъ не отымать отъ него его дорогого Неда. Хоть насъ со всѣхъ сторонъ и окружали опасность и смерть, все же невозможно было не растрогаться этою сценою; но долгъ службы заставилъ насъ употребить силу и оттащить Андерсона отъ трупа. Страданія несчастнаго мальчика еще не кончились. Когда его несли внизъ, кусокъ дерева, отбитый непріятельскимъ ядромъ, перешибъ ему правую руку. Фишера положили въ общей кучѣ убитыхъ, ждавшихъ погребенія въ нѣдрахъ моря.

Битва тѣмъ временемъ пылала съ неослабѣвавшимъ жаромъ. Занимался корабль за кораблемъ и, взлетая на воздухъ, заставлялъ сотрясаться весь корпусъ нашего судна такъ, что всѣ его связи скрипѣли. Къ тому же намъ приходилось выдерживать ужаснѣйшій огонь съ двухъ линейныхъ Турецкихъ кораблей, стоявшихъ впереди «Генуи» и направлявшихъ свои выстрѣлы на нее одну. Огонь ихъ смолкъ не раньше, какъ наши ядра, выпущенныя въ огромномъ количествѣ, снесли ихъ мачты и сорвали обшивку съ ихъ бортовъ, выведя ихъ окончательно изъ строя.

Намъ приказано было стрѣлять двойными зарядами, но мы не слушались: послѣ первыхъ пяти или шести залповъ, я могу сказать навѣрное, что орудіе, при которомъ я находился, постоянно заряжали двумя 32-фунтовыми ядрами съ 32 фунтами картечи, а иногда досыпалось еще сверху прямо пулями. Когда офицеръ остановилъ матроса, клавшаго лишній зарядъ, тотъ отвѣчалъ, утирая кровь и грязь со своихъ глазъ, что онъ хочетъ показать Туркамъ, какія у насъ есть пилюли. На линейномъ кораблѣ, стоявшемъ прямо противъ насъ по траверзу, былъ высокій толстый Турокъ, въ красной фланелевой куркѣ;

онъ орудовалъ у пушки какъ разъ противъ насъ и своею ловкостью причинялъ намъ немало вреда.

Одинъ изъ десантныхъ солдатъ навелъ свой мушкетъ и прострѣлилъ голову нашему громадному противнику; тотъ упалъ, свѣсился изъ люка головою внизъ и висѣлъ такъ, пока другой Турокъ, занявшій его мѣсто, не выкинулъ его тѣла за бортъ. Судя по тому страшному дѣйствію, которое производилъ каждый нашъ залпъ на изящно раскрашенные борта мусульманскаго корабля, мы ждали, что они скоро спустятъ флагъ, и многіе спрашивали: не спустили ли луну со звѣздой? Но Турки были упорны, и никто изъ нихъ во время дѣйствія не спускалъ флага. «Валяй, друзья, во всю!» закричалъ фейерверкеръ нашего орудія, молодой Ирландецъ и замѣчательный наводчикъ: «если они не спускаютъ флага, мы ихъ угостимъ. Ага!» продолжалъ онъ, «вотъ и безподобная цѣль; смотрите, мы зарядимъ одной картечью». Пушку зарядили чуть не по жерло.

Турецкая адмиральская яхта, прекрасный фрегатъ, выстроенный въ Тріестѣ, шелъ мимо насъ, сорвавшись съ якорей. Его головная фигура изображала краснаго льва, держащаго щитъ съ тремя полумѣсяцами; широкая золотая кайма проходила надъ люками, на кормѣ большія статуи вызолоченныхъ геніевъ поддерживали балконъ, также покрытый позолотою. Когда лучамъ солнца изрѣдка удавалось пронизывать густые клубы дыма, они сверкали, переливаясь на блестящей позолотѣ, и все судно сіяло. «Отойти!» закричалъ фейерверкеръ. «Вотъ она, вотъ она! Чортъ меня побери, если я не разобью ея украшеній! Ага, отлично, что она пошла по этому пути. Теперь посмотримъ, чѣмъ я могу ей услужить». Онъ навелъ пушку и, хорошенько взявъ цѣль, выстрѣлилъ. Дымъ разсѣялся, и среди общаго шума я все же слышалъ его торжествующій крикъ: «Я говорилъ! Я говорилъ! Я сдѣлалъ больше, чѣмъ обѣщалъ. Я снесъ ея гикъ*) вмѣстѣ съ расписанными украшеніями». Нѣсколько минутъ спустя, судно загорѣлось и взлетѣло на воздухъ. Оно было совсѣмъ близко къ намъ, такъ что горящія головешки летѣли прямо въ раскрытые люки нашего корабля. Мы чуть не задохнулись въ дыму, до того онъ былъ ѣдокъ. На суднѣ во время его взрыва, должно быть, находилось какое-нибудь ядовитое вещество.

Со шканцевъ былъ отданъ приказъ вызвать людей наверхъ и завести за лѣвый бортъ шпринги, чтобы нашимъ марсовымъ орудіямъ было удобнѣе дѣйствовать по непріятелю. Людямъ, видимо, не хотѣлось оставлять своихъ орудій; но какъ только капитанъ Дикенсонъ спустился на нижнюю палубу и поговорилъ съ ними, шпринги были

*) *Гикъ*—полурея, идущая вдоль судна отъ мачтъ, по нижней кромкѣ паруса.

заведены, и всѣмъ нашимъ пушкамъ открылся полный обстрѣлъ, что скоро сказалось на корпусахъ и такелажѣ нашего непріятеля. Я могу сказать вполнѣ утвердительно, что во время боя, пока корабль былъ на якорѣ, завозы*) дѣлались нѣсколько разъ, и исполнялась эта работа быстро.

Посрединѣ корабля, на палубѣ, стояла бочка съ такъ называемой боевой водой; она была принайтована къ стойкамъ. Одинъ изъ офицеровъ съ передней части палубы, пробираясь на кубрикъ, подошелъ къ бочкѣ, прося, чтобы ему дали напиться. Онъ былъ тяжело раненъ въ правую руку желѣзнымъ осколкомъ, а лѣвая его рука была такъ сильно контужена, что онъ не могъ поднести ко рту кружки. Ди-Скво, орудовавшій около пушки съ неутомимостью и ловкостью, которая была удивительна для человѣка его возраста, взялъ кружку и зачерпнулъ воды, постаравшись, чтобы туда не попали плавающія наверху кровь и грязь. Только что онъ сталъ подносить кружку къ губамъ офицера, какъ самъ упалъ, разорванный въ куски картечнымъ выстрѣломъ. Офицера также сшибло, но не ранило. «Бѣднякъ!» воскликнулъ послѣдній. «Онъ умеръ во время служенія ближнему. Господи, упокой его душу!» Мы помогли офицеру спуститься въ лазаретъ, гдѣ при тускломъ свѣтѣ нѣсколькихъ фонарей кипѣла лихорадочная работа: докторъ съ своими помощниками бинтовали, ампутировали и давали лѣкарства раненымъ. Глухіе стоны, фигура доктора и его помощниковъ, ихъ обнаженныя руки, запачканныя кровью, мертвые и умирающіе кругомъ, одни въ предсмертныхъ судорогахъ, другіе кричавшіе подъ ножомъ операторовъ, представляли ужасное зрѣлище человѣческихъ страданій и ужасающій контрастъ «съ блескомъ и славою побѣдоносной войны». Въ пылу сраженія былъ только одинъ примѣръ трусости. Здоровенный малый, по имени Мэнксменъ, приставленный къ одной изъ пушекъ на нижней палубѣ, при первомъ же выстрѣлѣ сталъ дрожать какъ листъ; улучивъ удобную минуту, онъ спрятался подъ трапомъ кубрика, гдѣ и пролежалъ, пока представленіе не кончилось.

Кажется мнѣ, что было около половины четвертаго, когда вдругъ съ гротъ-мачты оторвался кусокъ паруса и, зацѣпившись, повисъ какъ разъ передъ самымъ дуломъ нашего орудія, закрывъ отъ насъ, такимъ образомъ, самую цѣль. Нужно было оттащить его въ сторону; съ такимъ порученіемъ и послали на палубу меня вмѣстѣ съ другимъ матросомъ. Не могу сказать, чтобы я этому обрадовался; мнѣ почему-то все время казалось, что у пушки я нахожусь въ бо́льшей безопас-

*) Завозъ—небольшой якорь съ подачей, съ косякомъ, по которому судно тянется, идетъ завозомъ.

ности, чѣмъ въ другомъ мѣстѣ. Какъ ни какъ, а идти, все-таки, было надо. Добравшись до верхней палубы, я увидѣлъ, что разгромъ и побоище тамъ были гораздо больше, чѣмъ на нижней палубѣ. Незадолго передъ этимъ я услышалъ страшный громовой ударъ. Все затрещало, такъ что казалось, будто снесло цѣлый бортъ у корабля. Потомъ я узналъ, что сотрясеніе это произвели два громадныхъ мраморныхъ снаряда, по 120 фунтовъ каждый. Ударивъ въ верхнюю палубу спереди гротъ-люка, они два люка превратили въ одинъ и ранили пять человѣкъ, въ томъ числѣ моего дорогого товарища Тома Морѳіэта; но тогда еще я этого не зналъ. Я увидѣлъ капитана Бэфорста, спускавшагося по ютовому трапу въ ту самую минуту, какъ кусокъ дерева, отщепленный выстрѣломъ, зацѣпилъ за верхъ его шляпы. Онъ снялъ ее, улыбнулся и потомъ, перейдя на шканцы (самое опасное мѣсто на кораблѣ), продолжалъ отдавать свои приказанія съ такимъ же спокойствіемъ, какъ если бы производилъ обыкновенное орудійное ученіе. Было что-то въ высшей степени благородное и вмѣстѣ забавное въ наружности этого старца, который гордо расхаживалъ по палубѣ съ обнаженной шпагой и исковерканной шляпой подъ дождемъ осколковъ и щепъ, и, видимо, былъ совершенно равнодушенъ къ окружавшей его опасности. Мы съ товарищемъ старались изо всѣхъ силъ оттащить мѣшавшій стрѣльбѣ парусъ, но не смогли: парусъ былъ слишкомъ тяжелъ. Такелажъ корабля былъ разорванъ въ куски, поврежденныя реи торчали во всѣ стороны, сбитые подъемные краны валялись на палубѣ, которая сплошь покрыта была всякими щепками, точно полъ въ столярной мастерской. Капитанъ подошелъ къ намъ и сказалъ: «Чортъ побери, выстрѣлъ снесъ Англійскій флагъ, сходи-ка за нимъ на ютъ и скажи Деви дать другой флагъ». Я побѣжалъ и нашелъ Деви смотрѣвшимъ въ подзорную трубку на «Азію», находившуюся въ разстояніи кабеля отъ насъ. Адмиралъ стоялъ на ютовой сѣткѣ съ рупоромъ въ рукахъ и кричалъ: «Генуя, а?»—«Что угодно?» былъ отвѣтъ сигнальнаго офицера.—«Пошлите шлюпку убрать брандеръ; онъ идетъ прямо на насъ».—«Есть, сэръ», отвѣтилъ Деви и повернулся уже уходить, чтобы исполнить приказъ, когда я ему доложилъ, зачѣмъ меня прислалъ капитанъ. Онъ сказалъ мнѣ, что флагъ у него на груди, куда онъ его спряталъ на всякій случай при началѣ дѣйствія, и самъ пошелъ къ капитану.

Когда я вернулся на прежнее мѣсто, я увидѣлъ, что данное мнѣ порученіе спасло меня отъ неминуемой гибели: во время моего отсутствія коечныя сѣтки были разорваны въ куски ударомъ ядра, и бѣднякъ Холмсъ, мой товарищъ по работѣ, упалъ и разбился о палубу. Капитанъ стоялъ на выходномъ трапѣ на шкафутѣ и наблюдалъ за

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

непріятельскимъ кораблемъ. «Принесли ли вы флагъ, Деви?» спросилъ онъ подошедшаго офицера. «Такъ точно, сэръ», отвѣтилъ Деви, и доложилъ ему, вмѣстѣ съ тѣмъ, о приказѣ адмирала. Капитанъ взялъ флагъ изъ рукъ Деви и спросилъ матросовъ: «Кто хочетъ поднять Британскій флагъ на бомъ-брамъ-стенгѣ фокъ-мачты». Молодецъ матросъ, по имени Нилъ, выступилъ впередъ, взялъ его изъ рукъ капитана и, не говоря ни слова, сталъ взбираться по обрывкамъ прострѣленныхъ снастей. Капитанъ затѣмъ отдалъ приказъ шести близъ стоящимъ людямъ, въ числѣ ихъ и мнѣ, снарядить шлюпку и отвезти кабельтовъ*) на «Азію». Мы вскочили въ шлюпку и, сидя въ ней, ждали, пока двое нашихъ товарищей укладывали кабельтовъ. Со шлюпки весь ходъ боя былъ виденъ, какъ на ладони. На наше судно въ ту пору былъ направленъ усиленный огонь двухъ линейныхъ кораблей; одинъ изъ нихъ стоялъ, весь объятый пламенемъ, но не переставалъ стрѣлять. По «Азіи» въ ту пору стрѣляло только одно большое судно и двухпалубный фрегатъ. Я задрожалъ за участь нашего корабля, потому что, несомнѣнно, намъ пришлось бы плохо, если бы борьба продолжалась на такихъ неравныхъ условіяхъ. Я взглянулъ вверхъ и увидѣлъ, что Нилъ уже взобрался на вершину мачты и, обхвативъ ее ногами, прибивалъ молоткомъ флагъ. Я слѣдилъ за нимъ глазами до тѣхъ поръ, пока онъ не спустился на палубу цѣлъ и невридимъ. Я могъ только удивляться хладнокровію и рѣшительности, съ которыми онъ исполнялъ свое опасное порученіе. Кабельтовъ былъ уложенъ на шлюпку; мы отвалили, направляясь къ «Азіи». Поверхность моря была покрыта обломками; мачты и реи плавали на ней, за нихъ цѣплялись сотни несчастныхъ, корабли которыхъ взлетѣли на воздухъ. Многіе изъ нихъ обращались къ намъ съ мольбою о помощи на Турецкомъ языкѣ; ему мы подучились въ бытность въ Смирнѣ. Гребя, мы все время отдавали кабельтовъ, но отъ «Азіи» на разстояніи шести саженей, мы увидѣли, что идти дальше нельзя: кабельтовъ былъ весь отданъ, и до «Азіи» его не хватало. Съ «Азіи» увидѣли наше затрудненіе и старались добросить до насъ конецъ тяжелаго каната, чтобы связать съ нашимъ кабельтовымъ, но это никакъ не удавалось. Тогда Жоржъ Финни, нашъ марсовый старшина, видя, что ничего тутъ не подѣлать, бросился въ воду и проплылъ разстояніе между шлюпкой и кораблемъ. Конецъ былъ выкинутъ изъ люка, и Финни, схвативъ его, поплылъ назадъ къ шлюпкѣ, держа тяжелый канатъ въ одной рукѣ и гребя другой. Мы живо связали канаты морскимъ узломъ и повернули къ «Генуѣ». Адмиралъ показался на кормѣ въ простомъ синемъ сюр-

*) *Кабельтовъ*—толстая веревка кабельной работы.

тукѣ и замахалъ намъ платкомъ, чтобы мы гребли во всю. Едва проплыли мы половину пути между «Азіей» и нашимъ собственнымъ кораблемъ, какъ бизань-мачта на «Азіи» упала съ оглушительнымъ трескомъ. Мы видѣли, что всего за минуту передъ тѣмъ адмиралъ стоялъ около нея, и испугались, думая, что онъ погибъ. Нашъ страхъ прошелъ не прежде, какъ мы замѣтили, что онъ появился вновь на видномъ мѣстѣ. На возвратномъ пути мы подобрали десятокъ несчастныхъ утопавшихъ, старавшихся изъ послѣднихъ силъ удержаться на водѣ среди орудійнаго грома и молній, заставлявшихъ сотрясаться во второй разъ древній островъ Сфактерію. Много было между ними Арановъ, совершенно черныхъ, но всѣ были магометанами, судя по оставленнымъ на ихъ бритыхъ головахъ чубамъ, за которые Магометъ, по ихъ вѣрованію, вводитъ ихъ въ рай.

Пока мы были на шлюпкѣ, насъ не задѣлъ ни одинъ выстрѣлъ. Только обломки горящаго дерева, обгорѣвшій рисъ и маслины съ Турецкихъ кораблей обсыпали дождемъ насъ, да около шлюпки ядро размозжило голову молодому, рослому Турку въ ту самую минуту, когда одинъ изъ нашихъ товарищей, по имени Бокли, старался вытащить его изъ воды. Бокли только отвернулся и сказалъ спокойно: «Чортъ меня побери, видѣлъ ли кто когда-либо что-нибудь подобное?»

Хотя и велико равнодушіе Британскихъ моряковъ къ опасности, но съ храбростію Турокъ ничто не можетъ сравняться. Жоржъ Финни, про котораго я говорилъ раньше, вытащилъ изъ воды молодцоватаго Турка, богато одѣтаго. Едва тотъ усѣлся въ шлюпку, какъ уже вынулъ маленькій курительный приборъ, досталъ оттуда трубку, набилъ ее табакомъ, высѣкъ огонь и началъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ пускать клубы дыма. «Посмотрите на этого мошенника», сказалъ Финни, приведенный въ негодованіе такимъ страннымъ равнодушіемъ. «Отлично! Если ему все равно, что его вытащили изъ лапъ водяного, мы отправимъ его туда, откуда онъ явился». Съ такими словами онъ бросился на Турка и, схвативши его, швырнулъ за бортъ съ такой быстротой, что никто не поспѣлъ его остановить. Турокъ, однако, вскорѣ всплылъ на поверхность воды и вскарабкался на обломокъ своего корабля, откуда его сняла шлюпка съ «Альбіона». Я могу привести и другой примѣръ Турецкаго хладнокровія; положимъ, онъ случился не на нашемъ кораблѣ, но мнѣ разсказывали его, ручаясь за достовѣрность. Матросы съ Французскаго фрегата «Альціонъ» подобрали Турка, который, судя по его одеждѣ, занималъ извѣстное положеніе въ Турецкомъ флотѣ. Когда его взяли на бортъ, рука его оказалась совершенно раздробленной и требовала ампутаціи. Онъ пошелъ внизъ по трапу съ такою непринужденностью и спокойствіемъ,

какъ будто бы у него не было царапины, и съ такимъ достоинствомъ, какъ будто бы Французскій фрегатъ былъ взятъ имъ въ плѣнъ. Онъ показалъ доктору свою раздробленную руку и знаками просилъ его отнять ее. Докторъ не отказалъ ему въ этой любезности и, произведя операцію, забинтовалъ оставшуюся часть руки. Вернувшись на палубу, Турокъ немедленно же подошелъ къ борту, бросился въ воду и поплылъ къ своему судну, стоявшему вмѣстѣ съ другимъ противъ того самаго Французскаго фрегата, на бортѣ котораго онъ былъ взятъ. Французскіе матросы, слѣдившіе за нимъ, вскорѣ увидѣли, какъ онъ, подплывши къ кораблю, сталъ взбираться на него съ помощью одной своей руки, но ему не пришлось остаться на немъ и нѣсколькихъ минутъ: судно взлетѣло на воздухъ и, навѣрное, онъ погибъ въ числѣ другихъ при взрывѣ.

Вскорѣ мы благополучно добрались до «Генуи», и я пошелъ на нижнюю палубу, къ той самой пушкѣ, при которой находился въ началѣ дѣйствія.

Приблизительно черезъ полчаса послѣ этого, капитана Бэфорста пронесли въ лазаретъ четверо матросовъ. Онъ былъ смертельно раненъ въ пахъ картечнымъ выстрѣломъ. Одинъ изъ несшихъ его матросовъ оступился и этимъ вызвалъ новыя мученія раненаго. Старый капитанъ нахмурилъ брови и давши молодцу порядочнаго тумака, сказалъ: «Развѣ вы не можете нести меня осторожнѣе?» Мгновенно по всѣмъ палубамъ разнеслась вѣсть о томъ, что капитанъ смертельно раненъ, и пальба пріостановилась минуты на двѣ; матросы глядѣли другъ на друга, какъ будто бы каждому изъ нихъ самому пришелъ конецъ. Потомъ весь экипажъ, какъ одинъ человѣкъ, закричалъ, требуя мести, и слова: «нашъ капитанъ убитъ, нашъ капитанъ убитъ»—заглушили самый орудійный гулъ. Какъ ни ужасенъ былъ раньше бой, онъ сталъ втрое ужаснѣе. Сорокадвухфунтовый снарядъ попалъ въ отверстіе одного изъ нашихъ люковъ, убилъ четверыхъ и ранилъ двоихъ. Нѣкоторыя раны были такъ ужасны, что, казалось, самая смерть была бы лучше.

Я говорилъ раньше, что линейный Турецкій корабль загорѣлся въ то время, когда со шлюпкой мы были около «Азіи». Теперь онъ сплошь былъ объятъ пламенемъ, но все же пушки на нижней палубѣ и часть на средней упорно поддерживали до послѣдней минуты огонь и не переставали причинять намъ большой вредъ, пока самый корабль не взлетѣлъ, наконецъ, на воздухъ съ страшнымъ трескомъ, и цѣлый дождь изъ обломковъ желѣза, дерева и гвоздей не полился на наши люки. Выстрѣлъ, про который я говорю, по своему страшному дѣйствію былъ самымъ разрушительнымъ изъ всѣхъ, направленныхъ по

нашему кораблю; но и въ среднюю палубу попалъ тоже тяжелый снарядъ, причинившій немало вреда: онъ ударилъ какъ разъ туда, гдѣ стояла орудійная прислуга, и снесъ цѣлый бокъ у пушечнаго люка, оставивъ орудіе ничѣмъ не прикрытымъ. Около половины шестого мнѣ понадобилось сходить въ погребъ за трубками, запасъ которыхъ у насъ уже истощился. Я все еще находился подъ вліяніемъ мысли, что около пушки меньше опасности, а потому бросился стремглавъ исполнять данное мнѣ порученіе. Мнѣ хотѣлось какъ можно скорѣе вернуться назадъ. Проходя мимо главнаго трапа, я увидѣлъ молодого мичмана, по имени Рау. Его только-что ранило обломкомъ дерева. Брюки его разорвались, и видно было, какъ дерево глубоко врѣзалось въ ножные мускулы, но онъ только топнулъ ногою и воскликнулъ: «Ага! Къ чорту! Пустяки! Это простая царапина». Потрясая шпагой, онъ продолжалъ молодцомъ распоряжаться матросами; но когда я возвращался минуты черезъ двѣ изъ погреба, съ ящикомъ полнымъ трубками, я уже увидѣлъ съ ужасомъ, что молодой храбрецъ лежалъ безъ жизни въ нѣсколькихъ шагахъ отъ того мѣста, гдѣ я его оставилъ. Рука его еще держала шпагу. Въ то время, когда я глядѣлъ на безжизненное тѣло, раздался крикъ: «абордажныхъ и пожарныхъ на верхъ», и тревожно зазвучалъ набатный колоколъ. Мнѣ не приходило до той поры въ голову, что и нашъ корабль можетъ загорѣться. Я числился въ абордажной командѣ, и потому мнѣ оставалось одно: не долго думая, бѣжать къ пушкѣ съ ящикомъ для зарядныхъ трубокъ, а затѣмъ броситься, что было духу, на шканцы, у праваго борта, гдѣ требовались абордажные. Я захватилъ на пути пистолетъ и палашъ. Со мной былъ мой товарищъ Ли, также вооружившійся пистолетомъ и томагавкомъ. Добѣжавъ до шканцевъ, мы увидѣли, что горѣлъ гротъ-марсель, развязавшійся и свѣсившійся внизъ. Мичманъ Инскипъ и нѣсколько человѣкъ матросовъ уже стояли на реѣ и работали ножами, отдѣляя отъ нея парусъ. И намъ былъ отданъ приказъ взобраться туда же и помогать работавшимъ. Вскорѣ удалось всю полотняную громаду сбросить въ воду, гдѣ пламя быстро погасло. Стоялъ на марсѣ одинъ мичманъ; въ ту минуту, когда онъ наклонился, чтобы выслушать какое-то приказаніе капитана, непріятельское ядро снесло его съ корабля совершенно. Мнѣ показалось, что онъ упалъ прямо за бортъ, но спустившись внизъ я увидѣлъ, что тѣло головою внизъ повисло, зацѣпившись внутренностями о стойки для шлюпокъ; ужаснѣе этого зрѣлища я ничего не видѣлъ во все время боя. Ли вскочилъ на стойку и однимъ ударомъ отрубилъ тѣ части, которыми держалось безжизненное тѣло; оно тотчасъ же упало въ воду и нашло себѣ могилу между сотнями своихъ несчастныхъ сотоварищей.

Многіе были того мнѣнія, что Турки спустятъ немедленно флагъ послѣ нашего перваго залпа, но расчетъ этотъ оказался невѣрнымъ: мужество этихъ преданныхъ долгу людей было несравненно. Темнѣло уже, но множество Турецкихъ горѣвшихъ кораблей освѣщало всю бухту переливающимся свѣтомъ пожара, свидѣтельствовавшимъ объ отчаянномъ положеніи непріятельскаго флота. Полумѣсяцъ, тѣмъ не менѣе, развивался на мачтахъ горящихъ судовъ; въ теченіе всего дня я ни разу не видалъ, чтобы хоть одно Турецкое судно спустило свой флагъ. Иди оно хоть ко дну, но красный флагъ (кровавый флагъ, какъ называли его наши матросы) съ желтымъ полумѣсяцемъ не переставалъ виднѣться на концахъ мачтъ, иногда чуть не надъ самою водою, пока не скрывался вмѣстѣ съ судномъ окончательно въ нѣдрахъ моря. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда судно загоралось, Турки не прекращали орудійнаго огня до той поры, пока оно не взлетало на воздухъ. Два большихъ корабля, про которые я говорилъ раньше, потеряли всѣ мачты; ихъ якорныя цѣпи были перерѣзаны; теченіемъ ихъ выбросило на маленькій островъ посреди бухты, и они лежали тамъ, по выраженію одного изъ нашихъ матросовъ, какъ двѣ старыхъ лошади, мирно остановившіяся рядомъ на пастбищѣ и положившія головы одна другой на спину.

Было шесть часовъ и темно уже, когда мы стали замѣчать, что огонь непріятеля началъ слабѣть, и тѣмъ сильнѣе возгорѣлось въ насъ желаніе довести сраженіе до конца. Трижды подняли мы побѣдный кличъ и дали страшный залпъ всѣмъ бортомъ, но тотчасъ же услышали, что капитанъ Дикенсонъ, принявшій команду послѣ Бэфорста, отдалъ въ рупоръ приказъ прекратить огонь. «Ха, ха, ха, отбой!» закричалъ молодой фейерверкеръ нашего орудія, по имени Смитъ, «отбой, прежде чѣмъ они не спустили краснаго флага! Сюда, ребята, закатимъ имъ новую порцію пилюль!» Капитанъ Дикенсонъ сошелъ тогда самъ на нижнюю палубу и вновь приказалъ намъ прекратить огонь. Но матросы, къ которымъ онъ обращался, отвѣчали ему въ оправданіе: «орудіе заряжено». Стоило ему отвернуться, орудіе заряжалось опять. Тѣмъ не менѣе, послѣ приказа было дано не болѣе двухъ, трехъ залповъ. Убѣдившись, что непріятель прекратилъ огонь окончательно, мы остановились и, высунувшись изъ люковъ, стали глядѣть на послѣдствія битвы. Чувство ужаса охватило насъ при видѣ разгрома и разрушенія. Страшное зрѣлище избіенія на нашихъ собственныхъ палубахъ представилось также во всей своей полнотѣ нашимъ глазамъ: окровавленная груда тѣлъ подъ ахтеръ-трапомъ привлекла мой взоръ. Уже нѣкоторые матросы стали воздавать послѣдній грустный долгъ своимъ несчастнымъ товарищамъ. Первый, кого погребли

въ водной могилѣ, былъ одинъ контрабандистъ, сосланный въ наказаніе на бортъ нашего корабля служить королю въ дальнемъ плаваніи, вмѣстѣ съ пятью своими товарищами по ремеслу. Всѣ они уцѣлѣли кромѣ него, а у него осталась въ Англіи жена и девять человѣкъ дѣтей. Нѣкоторыя тѣла были до такой степени изуродованы, что невозможно было распознать ихъ. Тѣло Ди-Скво было такъ разможжено, что намъ пришлось его обвернуть парою свободныхъ гамаковъ. Я долженъ сознаться, что въ это время я слишкомъ былъ увѣренъ въ непреложность предсказанія Ди-Скво, чтобы льстить себя надеждою, что мой единственный другъ и товарищъ Томъ Морѳіэтъ останется цѣлъ, разъ пророчество Ди-Скво исполнилось на немъ самомъ. Я постарался пробраться къ кубриковому трапу[1]). Сцена тамъ была еще ужаснѣе прежняго. Воздухъ былъ полонъ зловонія; раздавались глухіе, подавленные стоны несчастныхъ страдальцевъ. У меня проступилъ на тѣлѣ холодный потъ; мнѣ стало такъ дурно, что я принужденъ былъ присѣсть на одну изъ ступенекъ трапа. Оправившись, я поднялъ фонарь и сталъ разглядывать въ лицо тѣхъ, кто лежалъ распростертымъ; нѣкоторые изъ нихъ, при ближайшемъ разсмотрѣніи, оказывалось, еще дышали; но это было единственнымъ признакомъ ихъ жизни. Я пересмотрѣлъ ихъ всѣхъ, но не могъ найти Тома, какъ вдругъ, въ ту самую минуту, когда я собирался поставить уже фонарь на полъ, до моего слуха долетѣлъ звукъ голоса, который пѣлъ. Голосъ слышался изъ самаго отдаленнаго угла кубрика. Пройдя туда, я увидѣлъ сидящимъ на медицинскомъ ящикѣ морского солдата, по фамиліи Хиллъ. «Вы ранены, Хиллъ?» спросилъ я его, и поднялъ фонарь, чтобы разглядѣть его; у бѣдняка не хватало обѣихъ рукъ: одной отъ локтя, другой отъ плеча. «И еще поете, воскликнулъ я, въ такомъ-то положеніи!»—«А почему нѣтъ? Вы знаете, что мнѣ нужно теперь учиться пѣть былины; такъ вотъ я и не теряю времени: разъ Богу было угодно, чтобы Турки лишили меня обѣихъ рукъ, мнѣ нужно только благодарить Его, что они не лишили меня еще головы» [2]). Мнѣ сдается, что Хиллъ пытался только подражать старинамъ исторіямъ, которыя я слышалъ много лѣтъ передъ тѣмъ, и я не могу не приписать такую жалкую аффектацію вредному вліянію пѣсень Дидбина и разныхъ мелодрамъ, влагающихъ въ уста нашихъ моряковъ столько ложнаго героизма и томной сентиментальности. Я отвѣтилъ Хиллу, что ему лучше успокоиться, такъ какъ его раны еще свѣжи, и спро-

---

[1]) *Кубрикъ*—низшій жилой ярусъ на кораблѣ, частью подъ водой; тамъ мичманскія каюты и перевязка раненыхъ.

[2]) Прося подаянія, нищіе въ Англіи обыкновенно поютъ.

силъ его, не видѣлъ ли онъ Тома Морѳіэта. «Это не бо̀ковый ли на гичкѣ?» спросилъ тотъ: «да вотъ онъ лежитъ сзади васъ; бѣднякъ, онъ уже закоченѣлъ, кажется; гдѣ ему выжить». Я повернулся и, взглянувъ на крышку медицинскаго сундука, тамъ увидѣлъ моего друга, лежащимъ на спинѣ, съ лицомъ бѣлымъ, какъ полотно. Я взялъ его за руку; его губы еще шевелились, но говорить у него не было силъ. Я воскликнулъ: «Томъ, Томъ, скажи мнѣ что-нибудь!» Онъ слабо пожалъ мнѣ руку и вновь зашевелилъ губами, но не могъ произнести ни слова. Желая сколько возможно облегчить ему страданія, я приподнялъ его голову, чтобы подложить подъ нее мѣшокъ, но съ ужасомъ почувствовалъ, что подъ шеей у него зіяетъ большая рана. Въ ту минуту явился боцманъ и приказалъ мнѣ идти наверхъ, въ виду докторскаго запрещенія разговаривать съ ранеными и вообще оставаться въ кубрикѣ. Бросивъ прощальный взглядъ на своего умирающаго товарища, я былъ принужденъ уйти на палубу.

На палубѣ было совсѣмъ темно; только здѣсь и тамъ мерцали тускло свѣчи, поставленныя въ фонари. Когда я вернулся въ каюту къ моимъ товарищамъ, они привѣтствовали меня точно родного брата. Этотъ день сдѣлалъ всѣхъ братьями; нелюбовь и непріязнь были забыты, и многіе, раньше искренно ненавидѣвшіе другъ друга, пожимали теперь руки, какъ близкіе друзья. Я сѣлъ и сталъ осматриваться, не недостаетъ ли кого въ числѣ знакомыхъ лицъ; но невозможно было признать за моихъ товарищей странное сборище, окружавшее меня. По внѣшнему виду, это были какіе-то свирѣпые разбойники. Всѣ были одѣты въ штаны и куртки, съ платками, повязанными вокругъ шеи, съ пистолетами за поясомъ, съ палашами, висѣвшими сбоку. Ихъ лица почернѣли отъ пороха и дыма; у многихъ раненыхъ щепками или обломками дерева былъ наклеенъ на щекахъ пластырь; багровый свѣтъ отъ зарева горѣвшихъ мусульманскихъ кораблей, падая на эти лица чрезъ отверстія иллюминаторовъ, дѣлалъ еще сильнѣе производимое ими впечатлѣніе. Путемъ разспросовъ я узналъ, что изъ моихъ однокашниковъ, кромѣ Тома, убито было двое. Мы сидѣли и говорили о поведеніи экипажа во время битвы и о вѣроятныхъ ея послѣдствіяхъ. Томъ Элліотъ принесъ вина. «Ребята, сказалъ онъ, вина вдоволь; начинай: давай пить круговую». И мы всѣ выпили въ память нашего стараго добраго капитана и всѣхъ, кто палъ въ этотъ славный день. Я почувствовалъ, что вино оживило меня и пошелъ на палубу посмотрѣть на сцену битвы, при свѣтѣ пожара Турецкаго флота.

Прежде всего, конечно, я сталъ осматривать нашъ корабль. Положеніе его было плачевно, особенно мачтъ и снастей. Посвѣжѣй немного вѣтеръ, и наша бизань и гротъ-мачты были бы за бортомъ.

На палубѣ я не встрѣтилъ никого, кромѣ капитана Дикенсона и боцмана, по имени Колльэ. Первый наблюдалъ за тѣмъ, что̀ дѣлали Турецкія шлюпки у восточнаго берега залива. Ихъ было видно довольно ясно, при свѣтѣ горящихъ Турецкихъ кораблей, и не только ихъ, но весь городъ Наваринъ и палатки Турецкаго лагеря. Колльэ и я взобрались на одну изъ переднихъ пушекъ, чтобы окинуть взоромъ всю гавань. Намъ представились тысячи несчастныхъ, которые плавали, держась за обломки разрушенныхъ кораблей. Изъ громаднаго и величественнаго Турецкаго флота, раньше расположеннаго полумѣсяцемъ, виднѣлось только 15 маленькихъ судовъ, тѣсно прижавшихся къ берегу; остальныя или потонули, или сгорѣли, или были превращены въ щепки.

Изъ всѣхъ судовъ союзныхъ эскадръ пострадала больше всѣхъ «Сирена»; ея форъ и бизань-мачты были за бортомъ, ея гротъ-мачта повисла на снастяхъ вдоль борта. Ея корпусъ былъ страшно изуродованъ выстрѣлами. Русскіе, повидимому, пострадали не особенно много, ни въ снастяхъ, ни въ корпусахъ; бо́льшая часть изъ нихъ сохранила свои брамстенги и, тѣмъ не менѣе, они дѣйствовали въ бою удивительно.

Я продолжалъ смотрѣть на страшное пожарище Турецкаго флота, какъ вдругъ ядро изъ ихъ пушки (пушки были заряжены и стрѣляли сами собой, по мѣрѣ того, какъ огонь до нихъ доходилъ) просвистѣло такъ близко около моего уха, что концы платка, повязаннаго у меня на шеѣ, сами собой поднялись на воздухъ. Въ мои намѣренiи совсѣмъ не входило стоять цѣлью для шальныхъ ядеръ, и я спустился внизъ посмотрѣть, что̀ подѣлываютъ мои товарищи. Большинство ихъ развалилось на палубѣ и спало такъ крѣпко, какъ будто на перинахъ съ пуховой подушкой подъ головою, а не на деревянномъ ящикѣ съ картечью. Я сѣлъ на кабельтовѣ, и событія прошедшаго дня одно за другимъ вставали въ моей головѣ; воспоминаніе о нихъ сливалось съ чувствомъ страха насчетъ наступающей ночи. Пока я такъ сидѣлъ, въ забытьи, не въ силахъ будучи успокоить свои нервы и какъ слѣдуетъ уснуть, на нижнюю палубу пришелъ капитанъ и сказалъ: «Ребята, я долженъ вамъ сказать: обстоятельства не позволяютъ подвѣшивать коекъ, пока мы не выберемся изъ этого мѣста. Мы здѣсь въ постоянной опасности; каждую минуту непріятель можетъ пойти на абордажъ; у него еще цѣлая флотилія шлюпокъ, стоящихъ у самаго берега на восточной сторонѣ бухты. Наведите пушки на воду и зарядите ихъ двойнымъ зарядомъ картечи. Вооружитесь палашомъ, пистолетами и томаговкомъ и спите, какъ Богъ пошлетъ. Авось, никто не будетъ такимъ осломъ, чтобы напиться по этому случаю. Потер-

питѣ еще. Сегодня вы возвеличили морскую славу старой Англіи. Устраивайтесь, какъ умѣете, поудобнѣе; только на случай нападенія будьте тѣмъ, чѣмъ вы были, стойки, храбры и послушны». Часовъ въ 8 вечера пріѣзжалъ къ намъ адмиралъ Кодрингтонъ навѣстить нашего капитана на смертномъ одрѣ. Вскорѣ потомъ засвистали всѣхъ наверхъ. Бизань-мачта почти переломилась, а гротъ была такъ страшно повреждена, что казалось, ни той ни другой не простоять до утра. Вантъ не осталось: всѣ онѣ были снесены выстрѣлами, кромѣ однихъ, да и тѣ были разорваны.

Мы принялись за работу; но усталость наша была такъ велика, что одинъ за другимъ мы стали бросать работу и уходить внизъ. У насъ прямо не хватало силъ починить снасти за эту ночь, если бы даже мы могли надѣяться, что этимъ мы спасемъ бизань-мачту. Наши офицеры были настолько человѣколюбивы, что не лишили насъ того отдыха, въ которомъ мы такъ сильно нуждались.

Я спустился внизъ вмѣстѣ съ другими и легъ на палубу, усталый и измученный. Какое-то тяжкое оцѣпенѣніе овладѣло моими членами; но сномъ нельзя было назвать того состоянія, въ которомъ я находился. То мнѣ грезилась битва, отвратительный кошмаръ, полный ужасовъ боя, пожара, взрывовъ и мертвецовъ, среди которыхъ я узналъ своего товарища Морѳіэта, покрытаго кровью и устремляющаго на меня мертвенный взоръ, то снились мнѣ тихія и успокоительныя видѣнія моего дѣтства.

А Турецкій флотъ все продолжалъ горѣть, и выстрѣлы ихъ нагрѣвающихся среди пожара пушекъ звучали какъ прощальный салютъ разрушенію прошедшаго дня, и легкій вѣтеръ, подувшій за ночь и свистѣвшій между нашими разрушенными снастями, казалось, оплакивалъ павшихъ храбрецовъ, лежавшихъ теперь во множествѣ въ глубокихъ нѣдрахъ синей воды. Около десяти часовъ я услышалъ жалобный голосъ, прямо подъ нашей кормой, кричащій: «Алла! Магометъ!» Джэкъ Митчелль и я вскочили и за бортомъ увидѣли двухъ Турокъ, плававшихъ на обломкахъ и взывавшихъ о спасеніи къ Богу и Магомету. Помочь имъ мы не могли: былъ отданъ строгій приказъ не пускать на бортъ ни одного Турка. Бѣдняки, казалось, продержаться долго не могли. Минутъ черезъ пять одинъ пошелъ ко дну, за нимъ вскорѣ и другой, и оба скрылись подъ водой, съ подавленнымъ крикомъ: «Алла! Алла!» Митчелль вернулся и легъ на палубу, приговаривая съ притворнымъ равнодушіемъ: «Пусть меня поберетъ чортъ, если стану тревожиться ради всякихъ магометанъ, какіе есть на бѣломъ свѣтѣ!»

Не прошло, однако, послѣ этого и получаса, какъ съ «Азіи» раздался громкій голосъ: «Генуя, сюда!» Лейтенантъ и нѣсколько матросовъ, я въ томъ числѣ, бросились на корму. При лунномъ свѣтѣ мы увидѣли благородную фигуру адмирала, стоявшаго на ютовой сѣткѣ, съ бѣлой шляпой въ рукахъ. Мы были такъ близко отъ «Азіи», что намъ все было видно и слышно. «Генуя, сюда!»—«Сэръ Эдуардъ», былъ немедленный отвѣтъ.—«Развѣ вы не видите, что цѣлый фрегатъ несется на вашъ правый бортъ?» Взглянувъ въ указанномъ направленіи, мы увидѣли, что большой фрегатъ на всѣхъ парусахъ несется на насъ, и дымъ идетъ изъ его люковъ. «Бейте тревогу! Я думаю, что это брандеръ!» Приказъ былъ отданъ. Въ нѣсколько минутъ всѣ были на мѣстахъ, все было готово, какъ для новаго боя; но какъ разъ въ ту минуту, когда фрегатъ сталъ къ намъ приближаться, Русскій флотъ далъ по немъ страшный залпъ съ своихъ бортовъ, и взорванный фрегатъ съ оглушительнымъ шумомъ взлетѣлъ на воздухъ, не причинивъ, однако, союзнымъ эскадрамъ никакого вреда. Наши матросы ворчали, что не пришлось по нему стрѣлять. «Какой срамъ», сказалъ кто-то, «вырывать кусокъ изъ чужого рта. Я бы отдалъ недѣльную порцію водки за удовольствіе навести на фрегатъ наши орудія».

Какъ только забрезжилъ день, всѣ принялись за работу: нужно было чинить корабль. Среди визга пилъ, стука топоровъ и молотковъ, шума отъ поднимаемыхъ новыхъ снастей и оттаскиванія старыхъ, мы услышали звукъ трубы, трубившей сборъ всѣмъ на шканцы. Туда же собрались всѣ офицеры. Капитанъ благодарилъ всѣхъ и каждаго за храбрость. Потомъ началась перекличка.

Я назвалъ свое имя, прислушиваясь съ тревогою къ имени бѣднаго Тома. Наконецъ, выкликнули и его. «Смертельно раненъ, но еще живъ», отвѣтилъ какой-то голосъ. Я съ радостію увидѣлъ, что противъ его имени не было поставлено отмѣтки красными чернилами. Во мнѣ проснулась надежда, что я увижу его еще передъ смертію. Послѣ переклички я пошелъ на кубрикъ, рѣшившись повидать Морѳіэта. Когда я спустился подъ полупалубу, предо мною предстала сцена побоища, скрытая раньше мракомъ ночи. Вся верхняя часть палубы была забрызгана кровью и мозгомъ; куски человѣческаго мяса прилипли къ ней, на огболтахъ палубы виднѣлись такіе же отвратительные остатки.

Спускаясь по ахтеръ-трапу, я встрѣтилъ двоихъ матросовъ, несшихъ лазаретный ящикъ, въ которомъ, какъ я догадывался, должно было находиться тѣло одного изъ моихъ товарищей. Я спросилъ, кто это. «Самъ вашъ другъ, Томъ Морѳіэтъ, наконецъ скончавшійся!» отвѣчалъ мнѣ одинъ изъ несшихъ. При этихъ словахъ я не могъ боль-

ше сдерживаться и разрыдался. «Положите его, сказалъ я; я зашью его въ свободную койку и похороню его самъ; онъ былъ моимъ другомъ». Они положили его между двумя орудіями и оставили меня.

Я побѣжалъ за койкой внизъ въ столовую, гдѣ всѣ завтракали. «Въ чемъ дѣло? спросилъ одинъ, куда вы идете съ пустой койкой и со слезами на глазахъ, а плачете какъ теленокъ?» Я не отвѣчалъ; взявши парусную иголку и бичевокъ, я пошелъ зашивать тѣло моего бѣднаго товарища въ его характерный саванъ.

Мнѣ пришлось развязать койку сверху и разрѣзать ее вдоль; одинъ, безъ помощниковъ, я не могъ иначе обшить кругомъ тѣла. Рана на затылкѣ, повидимому, была его единственной раной; но вся спина была покрыта отъ нея запекшейся кровью, къ которой прилипла его чистая бѣлая одежда. Его ножъ висѣлъ еще у него за поясомъ, куда привѣшенъ былъ также тотъ наперстокъ, съ помощью котораго онъ чинилъ мое платье на улицахъ Мальты. Наперстокъ я взялъ на память. Положивши тѣло на койку, я сталъ зашивать его, начиная съ ногъ. Пока я былъ занятъ этой работой, кто-то подошелъ сзади. Я все еще плакалъ, а потому не хотѣлъ оборачиваться; но по голосу я узналъ своего товарища Тома Крокера, и объяснилъ ему, чье тѣло я зашиваю. Крокеръ вызвался сходить за молитвенникомъ и прочесть молитвы по усопшемъ. «Томъ, сказалъ онъ, былъ малый, котораго я всегда любилъ, мы вмѣстѣ съ нимъ плавали вокругъ мыса Горнъ цѣлыхъ три года и восемь мѣсяцевъ на старомъ «Тартарѣ»; и хоть я и не священникъ, но будетъ скверно съ моей стороны, если я не устрою отпѣванія его тѣлу».

Крокеръ досталъ молитвенникъ, пока я кончалъ свою работу, и, положивши покойнику въ ноги два 32-хъ фунтовыхъ ядра, мы понесли тѣло къ пушечному люку и положили его тамъ такъ, что оно на половину свѣшивалось надъ водою. Мой помощникъ прочелъ громкимъ голосомъ молитвы, полагающіяся при отпѣваніи, и когда онъ дошелъ до словъ: «тѣло его мы погребаемъ въ нѣдрахъ воды», я выпустилъ изъ рукъ свою ношу, слегка толкнувши ее, и тѣло бѣднаго Тома упало въ воду. Мы смотрѣли, какъ оно постепенно скрывалось подъ волнами, уходя ко дну, а потомъ пошли за работу.

Мнѣ только теперь пришло въ голову, что день былъ Субботній; но какъ не похожъ онъ былъ на тѣ Субботы, которыя я проводилъ дома! Вмѣсто звона колоколовъ, созывающаго всѣхъ въ храмы, въ нашихъ ушахъ звучали залпы; пушки стрѣляли сами собою; страшные взрывы судовъ потрясали воздухъ! Вмѣсто празднично одѣтаго народа, идущаго спокойно къ церковнымъ службамъ, сотни людей съ лицами, почернѣвшими отъ порохового дыма, ругающихся, шумящихъ

и работающихъ въ окровавленной одеждѣ. Я связывалъ вмѣстѣ съ другими товарищами снасти, какъ вдругъ раздалась команда: «отойти отъ бизань-мачты». Поднялся вѣтеръ, мачта начала трещать, и черезъ нѣсколько минутъ она упала за бортъ съ страшнымъ трескомъ. Въ своемъ паденіи она снесла всю сѣтку на кормовомъ бакбордѣ. Вѣтеръ улегся, и только благодаря этому, уцѣлѣла гротъ-мачта, а то бы и ей не устоять. Турецкія суда время отъ времени въ теченіе цѣлаго дня продолжали взлетать на воздухъ; но наши люди до того къ этому привыкли, что не безпокоились вставать даже отъ ѣды, чтобы поглядѣть на взрывъ, а ограничивались простымъ замѣчаніемъ: «Еще одну св—ь взорвало».

Въ Мальту мы вернулись 29 Октября, если я не ошибаюсь. Народъ насъ привѣтствовалъ кликами. Но какая разница въ томъ, какъ оставлялъ нашъ корабль Мальту недѣлю съ чѣмъ-то тому назадъ и какъ вернулся! Вмѣсто блестящаго военнаго корабля, онъ превратился въ старое негодное судно, съ поломанными мачтами. Его бока были разворочены выстрѣлами и заткнуты кое-какъ пластыремъ, или забиты досками. Головная его фигура также носила широкій слѣдъ, оставленный непріятельскимъ ядромъ съ правой стороны ея груди. Какъ только мы стали отдавать якоря, съ берега показалось множество лодокъ съ солдатами; они прошли вдоль нашего борта, привѣтствуя насъ троекратнымъ кличемъ, на который мы отвѣчали тѣмъ же. Радостно намъ было видѣть славныхъ солдатиковъ, которые, не смотря на проливной дождь, явились привѣтствовать своихъ товарищей по оружію. Я такъ былъ доволенъ, что въ средѣ ихъ почти забылъ о кровавой судьбѣ, которая постигла Тома и которая могла быть и моимъ удѣломъ.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА